

Эдмар Менжель

рассказ

122

По дому на велосипеде

На сорок пятом году жизни тебе уже виден другой край суповой миски, в которую ты угодил, и ты говоришь себе: долой сомнения и нерешительность, робость и нерасторопность – пришло время для велосипеда! На небе не погоняешь, так что надо успеть здесь, на земле. Отныне навсегда покончено с презрительными взглядами домашних, когда речь заходит о велосипедной прогулке, со жгучей завистью к бессчётным счастливым, которые вскакивают на эту несуразную с точки зрения геометрии штуковину, на эти сдвоенные нули, легко балансируют и порхают по миру, не касаясь земли. Ах, мир полон искусников, – часто говорил я себе, – и только я не вхожу в их число – я обречён на ходьбу, педантичное вышагивание и стояние. Хочешь парить над миром, доставай велосипед!

Восемьдесят окон зорко охраняли двор. Не лучшее место для тренировок. Число любопытных росло, и частенько приходилось отгонять нахалов воздушным насосом. Пустырь тоже не годился. Только подумаешь, что ты один, как откуда ни возьмись выныривает десяток подростков, и ты на своём велосипеде оказываешься в самом центре.

Когда однажды целая стая велогонщиков пронеслась через пустырь, едва не переехав меня самым наглым обра-

зом, я вступил в переговоры с семьёй, чтобы добиться позволения тренироваться дома. Понятно, что они были глубоко тронуты моей оригинальностью и с любопытством ожидали упражнений. Да, моя семья всегда испытывала слабость ко всякому искусству. В нашей квартире семь комнат, а значит, она превосходно годится для тренировок. Здесь, скрытый от любопытно-похотливых глаз общественности, я мог абсолютно спокойно совершенствовать собственное мастерство. Идеально подходила для этого прихожая: колеса медленно приходили в движение, и, лавируя с акробатической ловкостью между лампой и гардеробом, я выезжал точнѐхонько к двери, хватался за ручку, совершал элегантный, напоминавший великих пловцов поворот, и возвращался к выключателю. Я изобрел комнатный велоспорт!

Через несколько недель прихожая была разжалована в трек для начинающих и перестала меня удовлетворять. Правда, можно было увеличивать скорость, но трудность заключалась в том, что не хватало простора. Впрочем, пробоина там, пробоина сям – и вот вам отличная трасса. При этом я не жалел усилий, чтобы обеспечить своей семье комфортное существование. Была прочерчена велосипедная дорожка, а между ванной и спальней поставлен светофор. Маленькие симпатичные знаки регулировали движение. Я приглашал жену и детей на домашние велосипедные прогулки. Но они почти не проявляли интереса, а потому мне приходилось одному выписывать вечерами свои стремительные круги, выныривать из-за дивана, проноситься мимо туалета, делать плавный двойной поворот в сторону детской и входить в восьмѐрку недалеко от кухонного уголка, где иногда случалось нарушить чьѐ-нибудь монотонное жевание. Помешав кому-то из домашних смотреть телевизор, я громко выкрикивал с велосипеда «Прости!» и исчезал под торшером. Но одна комната оставалась недоступной для моих пассажѐй. В нее сваливались сломан-

Элмар Шенкель (1953) – современный немецкий писатель. Живет в Лейпциге, где возглавляет кафедру английского языка Лейпцигского университета. Лауреат национальных литературных премий Георга Маккензена, Германа Гессе и фонда Юргена Понто. Э.Шенкель – большой друг Казани и Казанского университета. Он неоднократно выступал у нас с лекциями по английской литературе, а также на такие экзотические темы, как «Алхимия и литература», «Велосипед в литературе» и т.п. Первая книга писателя в русском переводе «Школа забвения» вышла именно в Казани. В 2006 году, опять-таки в Казани, увидела свет его новая книга «Когда «Я» опаздывает»

ные предметы и препятствия, павшие жертвой моих упражнений: озоновые холодильники, асбестовые плиты от теннисных столов, старая мебель, ненужные картины и тому подобное. Искусство требует жертв! – восклицал я. А ездить по дому на велосипеде – это искусство! Это вам не примитивное катание в так называемом внешнем мире, где дороги широки, воздух жидок и грязен, а препятствия малоинтересны. Да и инцидентов с домашним имуществом не жди, что может подтвердить вам любая страховая компания. Здесь же требуется величайшая бдительность. Сидя на своём велосипеде, ты обязан взвешивать ситуацию и реагировать с лисьей быстротой. Вскоре я стал строить маленькие комнатные горы, которые надлежало ловко объехать или пересечь. Тогда-то мне впервые пришло в голову, как мелко мы все плаваем. Нам недостает не только третьего глаза, но и третьего измерения! Чтобы усложнить задачу, я даже приобрёл книги вместе со стеллажами – это я-то, который прочёл свою последнюю книгу перед конфирмацией! Трасса пролегла через полное собрание сочинений какого-то мрачного философа, далее шла через обширный район справочников, чтобы наконец вынырнуть из весёлых стихов поэта-абсурдиста и снова очутиться в системе пространства и времени. Оставалось еще слишком много неезженных стен и потолков, но я становился всё искусней и не знал удержу. Плавное скольжение вверх, езда ровно по краю обоев и кружение по потолку подчас вызывали удивление у беседующих за чашечкой кофе. Случалось, что и на детском празднике поднималось волнение, когда родитель неожиданно скатывался со стены.

Чем меньше я стремился во внешний мир, тем больше мне его навязывали. К чему быть таким интровертом, почему бы не показать миру своё ис-

кусство, – говорили мне. Езда на открытом пространстве кажется мне бессмысленной, – объяснял я. Тогда-то и произошла короткая сцена катания на велосипеде в железнодорожном вагоне. Сразу же после отправления поезда я достал из багажного вагона свой погружённый за восемь марок велосипед и стал разъезжать по проходам туда-сюда. Чемоданы и пассажиры представляли собой особенно интересные препятствия, напомнившие мне о родном доме. По причинам, на которых я не хочу здесь подробно останавливаться, новаторский, поистине научный эксперимент по езде на велосипеде в условиях железной дороги, был прерван. Как вы понимаете, причины были самыми жалкими. Вдобавок злобная клевета. С проводниками я и без того никогда не мог найти общего языка. Так какой толк был теперь объяснять им теорию относительности, которая была изобретена точно таким же способом, а именно благодаря тому, что люди в железнодорожных вагонах устраивали своего рода соревнования!

А дома я тем временем работаю над стилем, совершенствую искусство объезжать движущиеся объекты, испытываю всевозможные типы велосипедов – гоночные (домашней сборки), одноколёсные, даже фантастические. Когда случается посмотреть в окно, я только лишний раз убеждаюсь, что мир становится все более плоским. Как всё ровно и низко, как ползают люди по поверхности земли, на велосипеде ли, пешком ли, – неважно. В наше время духовного обмеления я даже начал писать, и пишу я мистическую историю велосипедов, которая пока никому не известна. Пишу и жду возвращения велосипеда на высоких колёсах, на каком ездила ещё моя бабушка. С этой высоты мне опять откроется душа мира. А когда это случится, я выведу из дома и покачу вдаль.

Перевод с немецкого
Елены Шевченко